

Е.П. Педчак

«Идешь, на меня похожий...»

В стихотворении М. Цветаевой «Идешь, на меня похожий...» есть удивительные строки:

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти — слепоты куриной
И маков набрав букет, —
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Странностью овеяны эти первые штрихи картины воображаемой встречи или — вернее — подобия встречи. Произвольными кажутся детали: то о букете речь, то об имени.

В приведенных строчках всего заметнее необычное употребление прошедшего времени глаголов, что, впрочем, становится заметно лишь во втором четверостишии, в первом же слово «опускала» можно понять по-бытовому просто: случилось что опускала глаза, а теперь они у меня не опущены.

Как это понять? Попробуем это сделать, внимательно перечитывая стихотворение.

Сказано: «звали меня», значит, было время, когда звали, а теперь уже не зовут Мариной? Столько-то лет было, а больше не стало? Только об умершем человеке уместно так говорить. На такую догадку неотвратимо наводят стихи и тут же ее подтверждают. Да, это загробный голос:

Не думай, что здесь — могила,
Что я появлюсь, грозя...

Стало быть, это на кладбище совершается подобие встречи прохожего — человека, на чьем месте любой может оказаться, — с некогда жившей и давно погребенной сочинительницей стихов, юной и дерзко беззаботной а те годы, когда стихи явились на свет:

Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

Теперь-то, когда напрямую сказано о могиле и кладбище, полновесным содержанием наполняется каждое слово в предшествующих четверостишиях: устремив глаза вниз, прохожий разглядывает могильные плиты и читает то, что там обычно бывает выбито, — имя и годы, означающие возраст. На кладбище же собраны в букет мелкие желтые неприхотливые лютики, называемые в народе также и курослепом, и куриной слепотой, а также яркие маки. В безмятежно умиротворенном состоянии надо находиться, чтобы, неспешно прохаживаясь по кладбищу, собирать цветы и окидывать взглядом могилы людей, о которых ничего не знаешь. И загробный голос не разрушает эту умиротворенность, — напротив, делает ее нерушимой:

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь,
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли... —
И пусть тебя на смущает
Мой голос из-под земли.

В «голосе» осуществляется воля одного, единственного человека, и действие ее оказывается продленным в вечности.

Что это — только плод фантазирования, которому вполне оправданно предается художник, или также и подступ к философской истине, проникающей в коренные законы бытия?

В понимании поэта вечность, поглощая все созданное людьми, не уничтожает того, что поглотила, не стирает бесследно. Если любое материальное создание человеческого труда когда-либо разрушится до полного исчезновения, то все, что каждый отдельный человек прочувствовал, продумал, понял, неизгладимо запечатлевается в вечности. Всякого человека это касается, а поэт способен и сказать об этом.

Если бытие мира есть непрестанное вечное становление, то выходит, что каждый человек участвует в мировом становлении как индивидуальность — в своей единичности и неповторимости.

Поэтическая мысль Цветаевой в этом стихотворении продвигалась к обновленному и обогащенному, философскому обоснованию представлений о неизгладимости достоинства единичной, обреченной на смерть личности во всеохватывающей вечности.

Однако ошибочно думать, что смысл художественного открытия Цветаевой сводится к пополнению философских понятий человека о жизни. Как свойственно поэзии по самой ее природе, не все, чем поражает и привлекает стихотворение, может быть передано в строго упорядоченных логических суждениях, какими оперирует философия. Мы имеем дело с иной упорядоченностью.

Параллельно настроению умиротворенности звучит трагическое чувство: невозвратим тот человек в плоти и крови, о котором напоминает плита:

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже *была*, прохожий!
Прохожий, остановись!

(Слово «была» выделено и оттого становится главенствующим; стихотворение печатается так изначально по воле автора).

Сознание, что человек — единичный и неповторимый — обречен на смерть, не замалчивается, не отбрасывается, но и не становится беспросветно гнетущим. Таково действие множества смыслов, рождающихся в поэтических образах. Вокруг нас жизнь и смерть не только присутствуют повсечасно и в близости, — они переплетены неразсторжимо. Только что сорванные цветы уже не живут более; они были живы, пока в земле росли. Но в букете они сопричастны жизни общей — чувствам прохожего и голосу его собеседницы, доносящемуся из давно минувшего прошлого, — полнее, чем раньше, когда цветы наполнялись соками земли. И еще одна картина:

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, —
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Цветок или ягода лишены сознания и смерти своей не осознают. Человек наперед и неоспоримо знает о ждущей его смерти. Но он знает — так и в стихах Цветаевой представлено — и о своей причастности к вечности. Можно заметить, что это знание — слабое утешение. А в стихотворении и нет поиска чего-либо, что может утешить.

Это — стихи о том, как люди живут и впредь будут жить, питаясь радостью бытия, без утешения и без отчаяния.

И еще один смысловой ряд в этом стихотворении требует внимания. Дважды повторенный призыв: «Прохожий, остановись!» — призыв, сопряженный с мгновением, в то время как все стихотворение сопряжено с мыслью о вечности — принадлежит ли он всецело тому неопределенному, бесконечно длящемуся будущему, когда имя Марины

Цветаевой кто-либо прочитает на могильной плите? Призыв потому-то и живет в будущем, что восстанавливает собою обращения к современникам уже в том же 1913 году, когда написано стихотворение. «Остановись, прохожий!» — это, можно сказать, формула общения Марины Цветаевой с миром людей.

Обращения к людям будущего как к читателям, слушателям, собеседникам издавна привычны для поэзии. Общеизвестный пример тому в русской литературе — стихотворения Ломоносова, Державина, Пушкина о памятнике невещественном — воплощенном в слове и потому неподвластном разрушительному воздействию времени. «Прохожий», — стало быть, встреченный случайно и внезапно. Он же, в том же самом четверостишии — «на меня похожий». «Похожий» — но уже заведомо не любой, не случайный. Эти два слова, взятые сами по себе, рифмуются: сходство их простирается далее того, что необходимо для рифмы: созвучны не только ударный слог вместе со следующим за ним, но также и тот, что предшествует ударению. Но расставлены они так, что рифмы, — по крайней мере, в привычном для нас виде, — здесь нет. Одно слово стоит, как и положено для рифмы, в конце строки, другое — в начале другой строки.

Будь это обычная рифма, мы, читатели, остались бы при впечатлении: на том созвучие свою роль и исполнило. Но если оно не обеспечивает рифмовки, наше внимание оказывается привлечено к смыслообразующей роли сопоставления, подчеркнутого созвучия, — к соперничеству возможных смыслов. То ли она, Марина, включившая в стихотворение свое имя, выискивает похожих среди тех, кто идет мимо? То ли всякий, мимо идущий, кого настигает ее голос из-под земли, превращается в похожего на нее? То ли таких, похожих, она ожидает только в будущих поколениях? Три этих смысла — вместе с другими возможными пониманиями, — соперничая, живут в стихотворении, уподобляют его живому организму, чье поведение в чем-то предсказуемо, а в чем-то — нет, и все три вполне правомерны, а случайная встреча, таким образом, вовсе не случайна.

Цветаева стремится остановить мгновение не только в его незавершенности, как многократно бывало у Фета, но в его внезапности, столь же поразительной, как внезапность узнавания похожего в прохожем. Оттого и призыв: «Прохожий, остановись!» Мыслится, что собеседником поэта становится первый встречный, с кем нужно безотлагательно, сию же минуту, поделиться только что возникшим чувством, впечатлением, пока оно не исчезло, не вытеснилось другими впечатлениями и чувствами, или пока, напротив, не затвердело, утратив качества незавершенности и внезапности.

Многие поэты разных времен были склонны строить свой стих как слово недосказанное и не нуждающееся в том, чтобы быть досказанным, но зато соединенное множеством смысловых нитей с другими недоговоренными речами. Цветаева не просто исповедует этот взгляд, а доводит его до крайней и драматичной полноты.

Всякий истинный поэт открывает перед читателем возможность хотя бы соприкоснуться с общечеловеческим содержанием жизни людей. Но столь ли многие идут навстречу этой возможности? Марина Цветаева произносит: «Прохожий, остановись!», обращаясь и к своим современникам, и к нам, живущим много позже поэта.